

И В ДОМЕ, И В МИРЕ

Пьеса «Картотека» написана известным польским поэтом и драматургом Тадеушем Ружевичем в 1959 году. Ружевич — один из наиболее видных представителей той линии польской драматургии, которая многим связана с развитием, видоизменением традиции, идущей от великих романтиков XIX века, от Мицкевича и Словацкого. Ружевич дерзко соединяет самую утонченную, изысканную поэтическую метафору с самым резким гротеском. Прорывающиеся нотки чистой романтической грусти соседствуют с жесткой насмешкой над ней. Драма переходит в фарс, в котором продолжает мучительно жить ее отголоски.

«Картотека» не сходит со сцен польских театров, оставаясь, по моему мнению, лучшей пьесой Ружевича. И вот она обрела жизнь в Советском Союзе. Спектакль «Картотека» выпущен в Тбилиси в Театре имени К. Марджанишвили. В содружестве с грузинскими актерами над ним работали известный польский режиссер художественный руководитель Лодзинского театра имени Ярача Богдан Хуссаковский и польский художник Гжегож Малецкий.

Сцена представляет собой то ли комнату, то ли улицу, открытую всем шумам и движениям дня. Интимное и публичное — все спутано, перемешано, взаимообусловлено. Режиссер и художник создают тщательнейшим образом продуманное нагромождение вещей и предметов, мест действия, жизненных обстоятельств. Вполне натуральный умывальник соседствует здесь с не менее натуральным автомобилем, медленно въезжающим на сцену. А в глубине ее — некая странная конструкция, более всего напоминающая трамвай, в котором толпятся, в который входят и из которого выходят люди. Время от вре-

мени они устремляются к рампе, внимательно, пристально глядя в зрительный зал. Подобные же фигуры — на ступеньках в правом углу, но это уже не живые люди, а манекены. В них есть нечто общее с главным героем, который расположился на кровати посреди сцены и вот-вот начнет свою комическую и грустную исповедь.

Кровать, самый, казалось бы, надежный приют уединения и отдыха, вынесена пьесой и спектаклем в городской водоворот, в шумную людскую разногласию. По улице-комнате снуют многочисленные персонажи, иногда задерживаясь около героя, вступая с ним в разговор, — персонажи реальные и персонажи-воспоминания. Герой не хочет их видеть и слышать, но воспоминания все плотнее обступают его, не давая быть разновидностью манекена.

Герой был партизаном в войну и до конца выполнил свой долг. Так отчего же такое настойчивое желание уйти от прошлого, укрыться? Была усталость от безмерно напряженных, трудных военных лет и желание отдохнуть. А потом что-то не заладилось в жизни, сломалось. И не надо воспоминаний. Но можно ли избавиться от памяти, убежать от нее? И вот герой роняет в тяжелом раздумье: «Как это случилось? Не могу понять. Ведь я же был и во мне было много всего...»

В этом спектакле в главной роли — Гиви Чугуашвили, артист резкого, сильного, подвижного темперамента, — скепсис и ирония ему, мне кажется, не свойственны органически. Оправдывать своего героя он не собирается, а не готов принять в себя его метания, сомнения, боль. Артист, режиссер тбилисского спектакля настаивают на возрасте, обозначенном Ружевичем, — преддверие сорокалетия. Годы, когда человека нередко посещают раз-

думья, и кажется, что сделано так непоправимо мало, и гложет неуверенность в том, что еще есть время, возможность наверстать упущенное, Чугуашвили понимает героя, но от этого счет не становится менее строгим. Ибо сорок лет — это сорок лет, и если ты мужчина, то не можешь и не должен уходить от ответственности за себя и за то, что происходит вокруг.

В тбилисском спектакле органически уживаются конкретика истории и метафоричность, а проблемы, мучающие героя, приобретают общечеловеческое звучание. Близко к финалу герой отвечает на вопросы журналиста: «Что вы намерены сделать, чтобы сохранить мир во всем мире?» — «Не знаю...» — «Но вы же любите человечество?» — «Разумеется». — «А почему?» — «Еще не знаю. Сейчас трудно ответить. Еще только пять часов утра, придите, пожалуйста, около двенадцати, может, я уже буду знать». Насмешливый, иронический будто бы текст, но голос Чугуашвили дрожит, и похоже, что именно в этот момент в его герое происходит перелом, мучительный и животворный. Всем своим существом начинает он осознавать, что именно в наше трудное, чреватое атомной трагедией время недопустимо, стыдно не проявиться, не состояться, не знать.

Грузинский спектакль, созданный польскими мастерами, говорит о том, что человек не имеет права отрекаться от лучшего в себе самом. Из-за усталости, из-за каких-то иных важных причин — все равно не имеет права, должен быть достоин этого лучшего. Спектакль говорит об ответственности личности, каждой, отдельно взятой, за то, как сложится дальше жизнь на нашей планете, и в этом его актуальный и острый сегодняшний смысл.

К. ЩЕРБАКОВ.

СОВЕТСКИЙ ПУБЛИЦИСТ
Г. МОСКВА

№ 1 ДЕКАБРЬ 1984